

Ли В.С.

Событийное пространство как категория смысловой организации художественного текста

В статье рассматриваются проблемы онтологии и эпистемологии художественного текста, его собственно лингвистической основы. Установление такой основы – обязательный (первичный) этап филологического исследования любого литературного произведения. Лишь после этого и на основе этого можно включать тематико-смысловое пространство текста в другие пространства, порождаемые многочисленными социально-психологическими и историко-культурными контекстами. Исследование таких контекстов предполагает использование категорий смысловой организации текста, в том числе категорий, объясняющих тематическую организацию текста. В качестве собственно лингвистической категории тематико-смысловой организации текста выступает понятие пропозитивности, обычно используемое при семантическом анализе предложения. Под пропозитивностью предлагается понимать способность предложения и текста сообщать о структуре ситуации, события и мира бытия в целом, и проявляется она в такой дискретной единице содержания, каковой выступает пропозиция как логико-языковой коррелят события.

Ключевые слова: художественный текст, категории текста, событие, пропозиция, тема, когнитивно-пропозициональная структура.

Lee V.S.

Event space as category of the semantic organization of the art text

In this article we consider the problems of ontology and an epistemology of the art text, its actually linguistic basis. Establishment of such basis is an obligatory (primary) stage of philological research of any literary work. Only after it and on the basis of it it is possible to include thematical and semantical space of the text in other spaces generated by numerous social and psychological and historical and cultural contexts. Research of such contexts assumes use of categories of the semantic organization of the text, including the categories explaining the thematic organization of the text. The concept of pro-positivity which is usually used in the semantic analysis of the offer acts as actually linguistic category of the thematical and semantical organization of the text. To be suggested to understand ability of the offer and text to report about structure of a situation, an event and the world of life in general as pro-positivity, and she is shown in such discrete unit of contents as which the pro-position as a logical and language correlate of an event acts.

Key words: art text, categories of the text, subject, event, cognitive and propositional structure.

Ли В.С.

Көркем мәтінді мағынасы жағынан құрастырудың оқиғалық аспектідегі кеңдігі

Мақалада көркем мәтіннің онтологиясы мен эпистемологиясына қатысты мәселелер, оның лингвистикалық негізі қарастырылған. Осындай негіздің белгісі – кезкелген әдеби туындыны филологиялық зерделеудің міндетті (алғашқы реттік) кезеңі болып табылады. Тек содан кейін ғана мәтіннің басқа кеңістіктегі, көптеген әлеуметтік-психологиялық және тарихи-мәдениеттік контекстерін туғызатын тақырыптық-мағыналық жағын ескеруге болады. Осындай контекстерді зерттеуде мәтінді мағыналық жағынан құрастырудың категориясын, соның ішінде мазмұн мен ойға сай нақты қолдануды талап етеді. Мәтінді тақырыптық құрылымдық-мағыналық жағынан құрастырудың лингвистикалық категориясы ретінде сөйлемді семантикалық талдаған кезде қолданылатын пропозитивтік ұғымды айтуға болады. Пропозитивтік деген сөйлем мен мәтін, толығымен алғанда, табиғи болмысы, әлемдегі жағдаяттар, оқиғалар туралы хабарлайтынын түсінеміз, және де оны мазмұнның дискреттік бірлігінде, оқиғаның тілдік-логикалық корреляті ретіндегі пропозиция байқалады.

Түйін сөздер: көркем мәтін, мәтін категориясы, оқиға, пропозиция, тақырып, когнитивті-пропозиционалдық құрылым.

**СОБЫТИЙНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
КАК КАТЕГОРИЯ
СМЫСЛОВОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА**

Культурные ценности как проявление и продукты творческой деятельности человека – это не только мир артефактов и материальных произведений тех или цивилизаций, но и мир событий и фактов, который формирует и определяет состояние и уровень культуры как таковой. Мир событий и фактов создается человеком, и он живет в этом мире в соответствии со знаменитой формулой Людвиг Витгенштейна: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей». Эта совокупность структурируется и выражается прежде всего с помощью языковых средств и, что важнее, входит «в светлое поле сознания» человека в виде речевых ярлыков и клише, определяющих общий фон той или иной национальной культуры. Язык, таким образом, относится к разряду культурных ценностей, с помощью которых осуществляется сама процедура категоризации и концептуализация действительности, мира событий и фактов. Очевидно также, что событие становится фактом лишь после верификации с помощью языковых средств (см. об этом работу Н.Д. Арутюновой [1]). Категоризация и оценка события производится только с помощью языка в соответствии с культурными ценностями того или социума. И здесь уместно привести известное двустишие С.Я. Маршака (перевод строк английского поэта Джона Харингтона): «Бунт ёне может кончиться удачей. В противном случае его зовут иначе». Этот пример иллюстрирует положение о том, что событийный мир – прежде всего мир языка, мир, который выражается с помощью языковых средств, формирующих тот культурный феномен, который называется текстом. Событийный мир текста репрезентируется с помощью определенных языковых средств. Установление этих средств и способов организации этого мира в тексте, в том числе и в художественном, – важнейшая задача лингвистики текста.

Лингвистика текста, ставшая за последние десятилетия самостоятельной отраслью научного знания, активно взаимодействуя с другими гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами, значительно обогатила современное языкознание интересными концепциями и теориями, новыми методами и приемами анализа единиц языка на всех его уровнях, позволяющими описать явления и процессы не только внутритекстового, но и «до-текстового», «меж-текстового» и «над-текстового»

характеров. Помимо накопления сугубо эмпирических знаний, касающихся различных аспектов конкретных текстов (пожалуй, всех жанров), лингвистика текста использовала на своих объектах исследования различные общенаучные и общелингвистические идеи, одновременно выдвинув и сформулировав ряд своих собственных «текстовых» теорий. Вместе с тем скептическое замечание Г.А. Золотовой, сделанное ею еще в 1997 г., о том, что «...современная лингвистика текста несколько преждевременно поспешает к глобальной теории текста вообще...» и что «...актуальной задачей представляется не создание интегрального конструкта текста, а дифференциация типов текста, накопление знаний об их лингвистических свойствах и построение на этой основе типологии текстов» [2, 133] (см. также [3, 450-485], в определенной степени остается правомерным и сейчас, хотя глобальных концепций (в том числе и культурологического характера) за последние два десятилетия появилось немало как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике (см., в частности, работы [4], [5], [6] и др.) И это вполне объяснимо, поскольку без фундаментальной теоретической базы полученные эмпирическим путем знания и сделанные наблюдателем обобщения о структуре и семантике одного текста или специально отобранного круга текстов остаются на уровне «одноразового использования» или «обмена интересностями» (выражение Т.М. Николаевой), которые были обнаружены исследователем в том или ином текстовом материале. До сих пор ни общая лингвистика текста, ни грамматика (синтаксис) текста, ни семантика текста и др., т.е. ни один из разделов лингвистики текста не приобрел каких-то своих четких контуров с устоявшимися понятиями и категориями. Немало пробелов и в исследовании общих закономерностей смысловой организации текста.

Чаще всего анализ содержательной стороны текста сводят к определению актуализированных смыслов и референциальных особенностей у лексических составляющих текста (на самом деле, предложений), смысла (идеи) текста, его темы и т.п. Ясно, что поиски внеязыкового коррелята содержания текста в денотативной или когнитивной сферах – необходимый этап в исследовании текста. Но не менее очевидно и то, что прежде следует определить собственно языковой конструкт (точнее, квант), с помощью которого удастся адекватно описать содержание текста. Если рассматривать текст как результат и продукт речемыслительной деятельности (дис-

курса), то необходимо установить тот логико-лингвистический феномен и соответствующее ему языковое явление, которые упорядочивают и выстраивают в линейный ряд континуум реальной действительности и мыслимого (ментального) мира в последовательную и целостную систему вербальных знаков, именуемую текстом. Разумеется, эта система должна обладать всеми признаками и свойствами текста, а не вообще любого продукта речевой деятельности. Принято считать, что такими свойствами являются связность, цельность, завершенность, топикальность и др. Однако все эти понятия и категории не имеют прямого отношения к языковой системе, и поэтому они не могут считаться непосредственно лингвистическими. С некоторой долей упрощения недолгую историю лингвистики текста можно представить как историю поиска собственных категорий, раскрывающих онтологию текста, своего объекта и предмета познания и описания. К числу таких языковых категорий, по нашему мнению, следует отнести понятие пропозитивности, широко используемое при исследовании семантико-синтаксической организации предложения. При таком подходе анализ содержательной стороны текста представляет собой не что иное, как продолжение семантического анализа предложения, предварительного и обязательного шага к глобальному познанию коммуникативных, когнитивных и др. свойств языка вообще. Пропозитивность – это свойство предложения и текста сообщать о структуре ситуации, события и мира бытия в целом, и проявляется она в такой дискретной единице содержания, каковой выступает пропозиция как логико-языковой коррелят события.

С точки зрения смысловой организации текст представляет собой не только последовательность предложений-высказываний, сложных синтаксических целых, сверхфразовых единств и т.п. дискретных составляющих, но и соединение пропозиций-событий в речемыслительной деятельности говорящего (пишущего). В отличие от отдельно взятого предложения пропозитивность в тексте не обязательно выражается лишь в предикативных и внутрипредложенческих манифестациях пропозиции, она репрезентируется и в таких формах и средствах, которые присущи только тексту и в нем проясняются.

Исходя из постулируемых допущений, относящихся к эпистемологической стороне семантики текста, вполне обоснованным представляется разграничение таких понятий, как значение, содержание и смысл, по отношению к тексту.

Вместе с тем эти категории будут обладать необходимой объяснительной силой лишь в совокупности со смежными категориями, уточняющими и детализирующими основную категорию. Так, исследование содержания текста немислимо без использования таких понятий, как тема, подтема, субподтема, микротема, т.е. понятий, отражающих то свойство текста, которое принято называть топикальностью.

Тема по своей природе – это тот ментальный конструкт, который задает вектор развертываемого событийного ряда, т.е. содержания текста. Она не всегда вербализуется в сознании автора текста, о чем свидетельствуют частые случаи изменения названия текста, а также презентация текста без названия. Однако исследователь вынужден при анализе содержания текста определить тему, подтемы, субподтемы, выстроить их в логически связанный ряд в соответствии с линейным характером развертывания текста. В качестве иллюстрации рассмотрим содержание 9-ой главы поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Для экспликации содержания этого текста наиболее адекватным, по нашему мнению, будет тематическое название «Переполах в городе N», в котором событийное имя *переполах* будет уточняться и конкретизироваться в пропозициях, реализующихся в предикативных и непредикативных формах, хотя само слово *переполах* в тексте главы не встречается:

В то время, когда обе дамы так удачно и остроумно решили такое запутанное обстоятельство, вошел в гостиную прокурор с вечно неподвижною физиономией, густыми бровями и моргавшим глазом. Дамы наперерыв принялись сообщать ему все события, рассказали о покупке мертвых душ, о намерении увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно с толку, так что сколько ни продолжал он стоять на одном и том же месте, хлопать левым глазом и бить себя платком по бороде, сметая оттуда табак, но ничего решительно не мог понять. Так на том и оставили его обе дамы и отправились каждая в свою сторону бунтовать город. Это предприятие удалось произвести им с небольшим в полчаса. Город был решительно взбунтован, все пришло в брожение, и хоть бы кто-нибудь мог что-либо понять. Дамы умели напустить такого тумана в глаза всем, что все, а особенно чиновники, несколько времени оставались ошеломленными... Всякий, как баран, останавливался, выпучив глаза. Мертвые души, губернаторская дочка и Чичиков сбились и смешались в головах их необык-

новенно странно; и потом уже, после первого одурения, они как будто бы стали различать их порознь и отделять одно от другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дело никак не хочет объясниться. Что за притча, в самом деле, что за притча эти мертвые души? Логика нет никакой в мертвых душах; как же покупать мертвые души? где ж дурак такой возьмется? и на какие слепые деньги станет он покупать их? и на какой конец, к какому делу можно приткнуть эти мертвые души? и зачем вмешалась сюда губернаторская дочка?.. Словом, пошли толки, толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку про Чичикова и мертвые души, и все, что ни есть, поднялось. Как вихорь взметнулся дотолле, казалось, дремавший город!

Подчеркнутые в этом тексте единицы реализуют содержание «Переполах» в значениях слов, словосочетаний, предложений в соответствии с принципом понижения ранга диффузности семантики, благодаря чему содержание текста перестает быть неопределенным, иными словами, содержание текста переходит в значение его компонентов. Этот процесс порангового понижения диффузности семантической стороны текста сопровождается понижением семантической неопределенности и самой темы, что конкретно проявляется в подтемах текста. Подтема – это целостный фрагмент содержания, раскрывающий определенный аспект основного предмета описания, содержащегося в замысле, и представленный в нем свернуто. Подтема имплицитно содержит и все другие субподтемы, соответствующие данному фрагменту содержания, поскольку она связана с ними определенными отношениями, сформированными в когниции человека, в его прошлом опыте. При необходимости подтема может всегда развернута на содержательном уровне путем введения соответствующих субподтем и микротем, составляющих их иерархическую структуру.

В рассматриваемом тексте из «Мертвых душ» тема «Переполах» развертывается на семантическом уровне в следующих подтемах: 1) Поездка просто приятной дамы к во всех отношениях приятной даме; 2) Беседа двух дам; 3) Рождение сплетни; 4) Полная неразбериха среди мужчин и женщин города.

Подобного рода несложная работа знакома каждому школьнику, выполняющему всем известное задание по разбивке текста на отдельные тематические части и озаглавливанию их. Выполнение такого задания требует от читате-

ля умения свертывать значения слов, предложений в более сложный и в то же время более диффузный семантический комплекс, который обычно вербализуется в метатекстовых номинализациях в форме названий тем и подтем. Естественно, каждая из подтем, в свою очередь, расчленяется на «иерархическую сеть» субподтем и микротем. Благодаря такому понижению ранга неопределенности категорий содержания до уровня значения конечных его составляющих создается связность и цельность текста как продукта речемыслительной деятельности человека.

Какие же языковые знаки в конечном итоге являются «заменой» или, точнее, реализацией в тексте темы, подтем, субподтем, микротем? Этот вопрос можно сформулировать иначе: что следует считать конечной (основной) единицей семантического уровня текста, какова ее природа и как она взаимодействует с другими значимыми единицами языка? Ответ на этот вопрос тесно связан со всем комплексом проблем лингвистической семантики.

В ряде работ по лингвистике текста и лингвистическому анализу художественного текста при рассмотрении проблемы смысловой организации текста часто используется понятие события как единицы семантической структуры литературного произведения, как особой категории представления знаний о мире, в том числе и художественном, создаваемом писателем. При таком подходе событие считается отдельной (целостной) содержательной единицей повествовательной фабулы, и к так понимаемому событию относится не только событие в его онтологическом смысле (реальное положение дел и его аналог в художественно мире автора и читателя), но и любые когнитивно-пропозициональные структуры, актуализируемые в процессе повествования (в лингвистическом смысле – при речемыслительной деятельности). Такое

широкое понимание категории события при анализе художественного текста строго связывает «событийное» содержание текста с собственно пропозициональным (точнее – с когнитивно-пропозициональной структурой) содержанием, реализующимся в отдельных предложениях (пропозициях). Естественно, в таком случае появляется необходимость в разграничении разных типов «события», поскольку они отражают разные аспекты рассматриваемого явления. Так, некоторые авторы разграничивают такие понятия, как «событие» и «микрособытие», «фабульное событие» и «сюжетное событие». Помимо описания внешней обстановки, среды (в том числе изображение пейзажа), обстоятельств, при которых развивается фабульное событие, сюжетное событие связывается также с передачей различных психофизиологических состояний литературного героя, его так называемого внутреннего мира, мира мыслей, переживаний и т.п. Так, например, анализируя следующий отрывок из рассказа В.В. Вересаева «В мышеловке»: «Вдруг все ему стало противно. Все кругом было серо, скучно и глупо. Погас огонек, освещавший изнутри душу. Холод все глубже вбирался в тело. И болела голова. И стыли неподвижные ноги...», М.Я. Дымарский пишет: «Содержание этого ССЦ (сложного синтаксического целого. – В.Л.) непосредственного отношения к фабульным событиям рассказа не имеет. То, что герою «все стало противно», признать фабульным событием невозможно. Но невозможно и отрицать сюжетное значение этого изменения психологического состояния героя – особенно в таком рассказе, как этот» [7, 179]. Добавим, что такое значение имеет любое «событие» и все «события», репрезентируемые с помощью пропозициональных средств языка и составляющие содержательную и смысловую канву художественного текста. Такое «событие» правомерно называть текстовым событием.

Литература

- 1 Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 227 с.
- 2 Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М.: Наука, 1997. – С. 113-133.
- 3 Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.
- 4 Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
- 5 Сабитова З.К. Лингвокультурология. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 528 с.
- 6 Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с. .
- 7 Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – 328 с.

References

- 1 Arutyunova N.D. Tipy yazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. – M.: Nauka, 1988. – 227 s.
- 2 Zolotova G.A. Rol' remy v organizacii i tipologii teksta // Sintaksis teksta. M.: Nauka, 1997. – S. 113-133.
- 3 Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.YU. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. – M., 2004. – 544 s.
- 4 Prohorov YU.E. Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 224 s.
- 5 Sabitova Z.K. Lingvokul'turologiya. – M.: FLINTA: Nauka, 2013. – 528 s.
- 6 Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 248 s. .
- 7 Dymarskij M.YA. Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst (na materiale russkoj prozy XIX-XX vv.). – M.: EHditorial URSS, 2006. – 328 c.